

Анатомия левого сектантства

Иван Овсянников

Тема сектантства, этой дурной болезни, буквально разъедающей постсоветскую левую, является предметом навязчивой рефлексии той (к сожалению, немногочисленной) части современных социалистов и коммунистов, которая вообще способна к критике и самокритике. Анекдотический образ оторванного от жизни начетника, живущего в мире идеологических абстракций и псевдоисторических мифов; не менее анекдотические истории бесчисленных расколов и свар на фоне перманентного бессилия стали неотъемлемой частью левацкого фольклора, а также источником пессимизма для тех левых, кому их собственная деятельность представляется чем-то большим, чем просто разновидностью групповой психотерапии. Итак, что же такое сектантство? Каковы социальные предпосылки этой формы квазирелигиозного сознания? Наконец, есть ли перспективы у российского левого движения?

Гигантские башмаки для Золушки

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется начать несколько издаля. Термин «сектантство» в интересующем нас смысле употреблялся родоначальниками марксизма по отношению к различным толкам утопического социализма и коммунизма. Употреблялся почти

буквально, поскольку ранние социалистические организации действительно строились по образцу религиозных общин, их идеология зачастую была пронизана мистицизмом, а пропаганда — евангельской риторикой и проповеднической экзальтацией. В работе «К истории первоначального христианства» Энгельс рассматривает сектантство как неизбежный и необходимый этап развития любого массового народного движения, будь то раннее христианство или рабочий социализм. «В самом деле, — пишет он, — борьба с всемогущим вначале миром и одновременно борьба новаторов между собой — одинаково присущи как первым христианам, так и социалистам. Оба великих движения созданы не вождями и пророками, — хотя у обоих имеется достаточно пророков; оба они — массовые движения. А массовые движения на первых порах по необходимости сумбурны; сумбурны в силу того, что всякое мышление масс вначале противоречиво, неясно, бессвязно; сумбурны они, однако, и в силу той роли, какую на первых порах еще играют в них пророки. Эта сумбурность проявляется в образовании многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с таким же ожесточением, как и с общим внешним врагом»¹.

¹ В.И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Т. 11.

и эксцентричность утопических учений, классики не жалеют для них самых восторженных эпитетов. «Где у немецкой буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии... которое было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», — страстно восклицает Маркс в 1844 году. — Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримечным и блестящим дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии, чтобы предсказать этой Золушке в будущем фигуру атлета»².

Обретая силу и массовость, обогащаясь опытом классовых битв, привлекая на свою сторону перебежчиков из рядов образованной буржуазии, рабочее движение перерастает свои «детские башмаки». На смену сектам приходят массовые организации трудящихся; узкое, замкнутое в себе, абстрактное доктринерство («пустая болтовня о принципах», по характерному выражению Ленина) уступает место политическому сознанию, отвечающему актуальным запросам реального движения, определяющему его стратегию и тактику в непрерывно меняющейся конкретно-исторической действительности.

Адепты ранних коммунистических

2 К. Маркс, Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», <http://dparchives.narod.ru/marx/tom01.htm#s018>

общин были одержимы будущим. Большое движение находилось в эмбриональной фазе своего развития. Идеи социального переустройства, зревшие в головах немногочисленных энтузиастов, еще не овладели массами, еще не стали знаменем поднимающегося пролетарского движения. Более того, сам класс, способный воспринять социалистические теории, еще только нарождался. «Величайшую честь этим ремесленникам, — пишет Энгельс в статье «К истории Союза коммунистов», — делает то обстоятельство, что, будучи сами еще не настоящими пролетариями, а лишь той частью мелкой буржуазии, которая только переходила в ряды современного пролетариата и не стояла еще в прямой противоположности к буржуазии, то есть к крупному капиталу, они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя еще и не вполне сознательно, как партия пролетариата»³.

Сектантство, присущее пионерам социалистической мысли, было следствием их маргинальности. Однако сама эта маргинальность являлась не результатом поражения, но знаком того, что «пророки» опережали свое время.

Сектантство иного рода — реакционное, одержимое прошлым, — беспощадно высмеивается Марксом в образах «великих мужей эмиграции»: генералов, растерявших свои армии, революционных вождей, **оставших от поезда истории, обан-**
3 К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. соч. М.: Политиздат, 1987. Т. 6, с. 270

кротившихся пророков, опьяняющих себя иллюзиями и ревниво оберегающих истлевающие реликвии ушедшей славы. Симптомы недуга здесь и там одни и те же: догматизм, нетерпимость, замкнутость, вера в собственную исключительность, отрицание действительности ради мифического «золотого века»... Но если в первом случае мы имеем дело с «детской болезнью левизны», то во втором — с осколками движения, впавшего в старческий маразм. Отлив исторической волны оставляет на берегу немногих выживших робинзонов. Причем однородные черты психологической деградации могут быть свойственны (хотя и в неодинаковой мере) представителям самых различных идеологий и классов. Беглые роялисты и революционные эмигранты сходны друг с другом в том отношении, что все они пытаются тем или иным способом рационализировать свое поражение, заняты поддержанием угасающих традиций, изолированы от породивших и покинувших их социальных сил.

Крах СССР и кризис пролетариата

Распад СССР означал не просто крах определенной общественной модели или идеологии, но и всемирно-исторический *кризис пролетариата*. Объективно существующая социальная группа «наемные работники» (класс «в себе») разумеется, никуда не исчезала. Напротив, она росла как абсолютно, так и относительно, особенно — на периферии капиталистической системы. Однако пролетарская иден-

тичность — пролетарское классовое сознание, развитию и воспроизводству которого на протяжении десятилетий служили рабочие партии, профсоюзы, левая интеллигенция, было основательно подорвано. То, что длительное время воспринималось как нечто естественное, в действительности было порождением социалистических идей, вошедших в плоть и кровь поколений трудящихся накопленным опытом борьбы и солидарности. Подобно тому, как национальное самосознание явилось продуктом буржуазной идеологии, выработанной и утвержденной в битвах с феодализмом, идея пролетариата как особой социальной общности, возвышающейся над прочими идентичностями и реализующей себя в противостоянии с капиталом, является продуктом борьбы рабочих за свои жизненные интересы.

Социализм, — пишет Энгельс, — является «теоретическим выражением пролетарского движения», «идеальным отражением» фактического конфликта между производственными силами и производственными отношениями «в головах того класса, который страдает от него непосредственно — рабочего класса»⁴. Таким образом, социальное бытие рабочих определяет их сознание. Однако определяет отнюдь не автоматически, а лишь в специфических условиях подъема рабочего движения, когда борьба отдельных групп трудящихся перерастает в борьбу класса, объединенного в национальном и/или международном

⁴ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Razsoc/razsoc-3.html>

масштабе. Классовое сознание рабочих не сводится к пониманию той очевидной истины, что их интересы противоречат интересам работодателей. Основой пролетарской классовой идентичности является признание определенной стратегии коллективного поведения в ситуации столкновения этих интересов – *стратегии солидарных действий*, эффективность которой может быть доказана только социальным опытом самих трудящихся.

Кризис массовых рабочих организаций, будь это профсоюз, партия или государство, ведет к разложению классовой общности, кризису классового самосознания. В случае СССР подобная деградация стала очевидной уже в 20-30-е гг., была усилена сталинским террором и войной, а затем закреплена брежневским патернализмом. Кратковременный подъем рабочего движения в 80-е гг. завершился «шоковой терапией» 90-х, поставившей крест на розовых перестроечных иллюзиях. И лишь в 2000-х начинается медленный и трудный процесс становления нового рабочего класса, символом которого стали знаменитые забастовки на «Форде».

Аналогичные – разные по степени разрушительности — процессы происходили повсеместно. Существование альтернативного капитализму «второго мира» было не только маяком надежды для страдающих от последствий колониализма развивающихся стран, но и мощным стимулом социального прогресса в капиталистических метрополиях. Какой бы малопривлекательной ни

была советская модель для трудящихся Запада, сам факт подобной конкуренции сдерживал аппетиты капитала. Случайно ли, что период «холодной войны» был временем наибольших завоеваний европейских и североамериканских трудящихся, эпохой «государства всеобщего благоденствия» и «общества потребления»?

Триумф свободного рынка означал крах прогрессистских идей деколонизации в странах третьего мира, попавших в безысходную долговую кабалу МВФ и Всемирного банка, и одновременно заставил рабочих богатых стран конкурировать с дешевой и бесправной рабочей силой периферии.

Провал советского «эксперимента» был воспринят как крах социализма не только буржуазными идеологами и множеством левых интеллектуалов, но и массовым сознанием. Хотя именно в 90-е неоллиберальный капитализм выступил в невероятно отталкивающем обличье своей «второй молодости», господствующее разочарование в любых попытках рационального переустройства общества вывело на политическую сцену такие, ранее абсолютно маргинальные, силы, как религиозный фундаментализм и неофашизм. Реформистские рабочие партии и профсоюзы пустились в паническое бегство, отбрасывая как ненужный хлам свои прежние идеалы и принципы. Уделом радикальных левых стали сектантство и пессимизм, выразившийся в измышлении «новых политических субъектов» в лице разнообразных

меньшинств и «идентичностей». пролетариата.

Однако не прошло и десятка лет после катастрофы, как новые массовые антикапиталистические движения нарушили буржуазную идиллию. По всему миру, от Греции до Аргентины, от Франции до Киргизии, рабочий класс все более мощно заявляет о себе стачками и протестами, стихийными бунтами и создательной самоорганизацией, созданием новых, боевых, профсоюзов и левых политических партий.

Рабочие не являются перманентно революционной силой. Показателем их революционности является степень их классового сплочения. Как крупные поражения, так и временные частичные победы пролетарского движения могут усилить консервативные и даже реакционные тенденции в среде трудящихся (то, что троцкисты именуют «кризисом руководства», является лишь одним из симптомов кризиса классового сознания, но таким симптомом, который при известных обстоятельствах может иметь решающее влияние на исход «болезни»). Спад классовой борьбы влечет за собой упадок самого рабочего класса, который может выражаться как в люмпенизации, так и в «омещивании». Но поскольку слабость пролетариата неизбежно усиливает позиции буржуазии, провоцируя все более наглое наступление на права трудящихся, самоорганизация и радикализация масс вновь ставятся на повестку дня. Очередная «смерть марксизма» сменяется очередным «воскресением», повторяя цикл регресса и возрождения

Наследники поражения

Травма, связанная с распадом Союза и реставрацией капитализма, не могла не наложить глубокий отпечаток на облик постсоветского левого движения. Более того, само возникновение этого движения было глубоко противоречивой реакцией на драматические события 80-90-х гг., болезненной рефлексией поражения мировой революции XX века. Полемика о «классовой природе СССР», в большинстве случаев сводящаяся к спору о том, в какой момент и почему русская революция сошла с «единственно правильного» пути, стала исходной точкой самоопределения различных левых течений. Многочисленные размежевания в левом лагере происходили не столько по линии реальных политических разногласий (поскольку с реальной политикой или социальной борьбой практика этих групп почти не соприкасалась), сколько по вопросам сугубо идеологического свойства: связано ли перерождение советского государства со «сталинским термидором» или «хрущевским ревизионизмом»; было ли подавление махновщины и кронштадтского мятежа революционной необходимостью или проявлением большевистского «комиссародержавия»; можно ли назвать советский строй социалистическим, или «бюрократически деформированным»... Вопреки комическому впечатлению, которое нередко производят подобные дебаты сегодня, они имели основополагающее значение

для формирующегося радикально-левого дискурса. Даже для современных буржуазных идеологов такие сюжеты как Октябрь 1917-го, Гражданская война и сталинизм все еще являются основными мотивами мифотворчества. Баталии либералов и «державников», одинаково враждебных коммунизму и рабочему классу облекаются в мистифицированную форму борьбы «сталинизма» (воспринимаемого в качестве прообраза путинского режима) и «антисталинизма», отождествляемого с буржуазной демократией. Если уж современные капиталисты вынуждены рядиться в антикварные одеяния, то это тем более закономерно для левых, рассматривающих себя в качестве прямых наследников революционной традиции. Не определившись по отношению к величайшей в истории попытке самоосвобождения рабочего класса, социалистическое движение в России (да и где бы то ни было) просто не могло бы существовать.

«Сталинофилы» и «западники»

Оба течения оформились в годы Перестройки: первое – как консервативная реакция на политическую «вседозволенность», распад государства и государственной экономики, усиливающиеся социальные контрасты и экспансию «тлетворного» Запада; второе – как критика позднесоветских порядков с позиций демократического социализма, попытка отыскать «третий путь» между авторитарно-бюрократическим «реальным социализмом» и либеральным ка-

питализмом. Первое опиралось, с одной стороны, на ортодоксальный («пуританский», по выражению Александра Шубина) слой бюрократии, видящей в Перестройке угрозу советской системе, а с другой – на тот «народный сталинизм», который в 70-80-е гг. был стихийной реакцией на возмутительные привилегии партхозноменклатуры, а в 90-е стал протестом деклассированных масс против чудовищных реалий эпохи первоначального накопления. Позднее со сталинистско-охранительной струей, представленной деятелями вроде Нины Андреевой, смешалась черносотенно-монархическая риторика в духе общества «Память», дав в итоге ту красно-коричневую муть, которая сегодня – с подачи Зюганова и Ко – фигурирует под маркой коммунизма.

Второе черпало вдохновение в ранней советской демократии, идейном наследии внутрипартийных оппозиций 20-х гг. и небольшевистских социалистических традиций. Неформальные политобъединения, ставшие выразителями этих взглядов, стали предшественниками современных анархистов, троцкистов, социальных экологов и других демократических левых, оказав известное влияние и на зарождавшееся в то время «новое» профдвижение. Однако, заключив «тактический» блок с реформистской фракцией номенклатуры против ее консервативной части, лидеры левых либо были интегрированы новой буржуазной элитой (известный пример такого перерождения – бывший анархист, а ныне – один из идеологов «Единой России» Андрей Исаев),

либо отброшены за обочину политической жизни.

Имитация советского

Как демократические левые, так и охранители, одни раньше, другие позже, могли похвастаться весьма широкой социальной базой, значительную часть которой составляли рабочие. Лозунги демократического социализма «с человеческим лицом», противопоставление революционного аскетизма эпохи Ленина коррупции и порокам позднесоветской бюрократии были общим местом перестроечной публицистики и массовых протестных движений той поры. Распад Союза, «шоковая терапия» и приватизация 90-х породили волну советско-патриотического, антизападного реваншизма, в котором протест против бесчеловечных капиталистических порядков был смешан с чувством национального унижения и имперской ностальгии. Ни в первом, ни во втором случае «народ» не выбирал неолиберальный капитализм, однако волна протестного движения времен Перестройки подняла к власти Бориса Ельцина, а сливки с национал-патриотических настроений конца 90-х снял вовсе не «коммунист» Зюганов, а ставленник олигархов Путин, умело совместивший нацпатовскую риторику с неолиберальным социально-экономическим курсом.

Можно, конечно, объяснить этот парадокс тривиальной ссылкой на трусливых или злонамеренных «вождей». Однако иных лидеров эти массовые народные движения не выдвинули! Они вообще не породили из своей среды сколь-нибудь

значимых политических деятелей. Неформалы и диссиденты, на краткий миг поднятые демократической волной, оказались оттеснены ловкими аппаратчиками, представителями той самой номенклатуры, против которой и было направлено социальное недовольство. То же самое можно сказать и о верхушке КПРФ 1990-х гг., укомплектованной «красными директорами» и «губернаторами» – осколками старой и фрондирующими элементами новой социальной элиты. Аморфные массы, в составе которых рабочие составляли не более чем разрозненные частицы, лишь следовали за той или иной группировкой правящих, становясь заложником чуждых социальных интересов и идеологических мифов. Начавшийся процесс классовой самоорганизации был подсечен под корень катастрофической ломкой 90-х гг., когда миллионы трудящихся были в одночасье превращены в «бывших людей», дезадаптированных в новой реальности «совков» – социальных аутсайдеров. Стремительная деиндустриализация и обнищание, разрушение системы социальных гарантий; сопровождавшаяся взрывом мракобесия капиталистическая «переоценка ценностей»; словом, крушение всей традиционной картины мира советского человека, создали тот, первоначально очень многочисленный слой, который до сих пор является ядром социальной базы КПРФ и более мелких национал-патриотических и сталинистских сект. Несчастливые пенсионеры; живущие полунатуральным хозяйством «рабочие» депрессивных предприятий; опустившаяся на

дно нищеты рядовая интеллигенция; озлобленные, остро переживающие закат сверхдержавы, военные; не пожелавшие «поступиться принципами» осколки КПСС – все они были объединены не столько общими социальными интересами, сколько общей «советской» идентичностью, особой субкультурой. Демонстративное, сплошь и рядом переходящее в невменяемость, отрицание капиталистической реальности, стало для них специфической формой нонконформизма. Они не могут смириться с тем, что для огромного большинства жителей Ленинград — давно уже Санкт-Петербург, или что Советский союз распался, а не временно оккупирован силами зла. Их образ мышления, эстетика, способы саморепрезентации ретроградны, лексика изобилует клише советского агитпропа. Их практика сводится к тому, чтобы доказать — прежде всего, себе самим, что в «катакомбах», среди посвященных, оазис советскости еще возможен.

Парадокс в том, что, несмотря на всю свою численность, КПРФ была и остается квази-религиозным образованием, большой сектой или субкультурой, возглавляемой циничными манипуляторами. Нелепо-макробесная риторика, являющаяся визитной карточкой российской «компартии», вовсе не является каким-то злонамеренным извращением марксизма-ленинизма. Наоборот – элементы коммунистической идеологии служат для нее чем-то вроде магических побрякушек на одеянии шамана. Как Русская Православная Церковь одурманивает свою паству, создавая некий аль-

тернативный мир, «Святую Русь» в душе каждого верующего, так и КПРФ является резервацией, последним прибежищем для людей, навсегда травмированных 90-ми. Могут возразить, что «компартия» неоднородна: внутри нее существуют противоборствующие течения, весьма неточно именуемые «неонародническим» и «неотроцкистским». Первое опирается на «нищих духом», второе находит сторонников среди тех, преимущественно молодых и образованных, членов партии, которые уже в силу этого выглядят в ней белыми воронами. Проблема в том, что эти «неотроцкисты» являются инородным телом не только по отношению к господствующей аппаратной группировке, но и к основной массе «верующих». Движимые честолюбивыми или принципиальными мотивами, они видят партию там, где есть только церковь, политику – там, где есть лишь религия.

Мумия и жрецы

Впрочем, было бы ошибкой считать, что религиозное сознание присуще одним только сталинистам и национал-патриотам или, как часто думают, одним старикам (естественное вымирание которых должно-де привести левое движение в норму). Сектантский «вирус» не пощадил и тех левых, основой идентичности которых была критика «реального социализма» с марксистских или анархистских позиций.

Давно замечено, что облик, нравы, «Я-концепция» многих антисталинских левых групп разительно напоминает характернейшие черты их оппонентов: догматизм, схоластич-

ность и примитивизм мышления, нетерпимость к «еретикам», тирания непогрешимых «вождьков» и, главное, полнейшая неспособность перелететь на ту планету, где обитают «глупые» рабочие, проявляющие досадное безразличие к своему «революционному авангарду». В этом смысле очень характерно недавнее программное откровение российской секции Комитета за Рабочий Интернационал, посвященное профсоюзам: «...Поэтому мы убеждены: необходимо избегать бизнес-тред-юнионистского подхода... При таком подходе профсоюзные активисты тратят массу времени на семинары в менеджмент-стиле, обсуждают «органайзинг» и «мотивацию», тогда как необходимо разработать ясную стратегию и план действий, чтобы вовлечь рабочих в сопротивление политике боссов»⁵. Борцам с «бизнес-тред-юнионистским подходом», конечно, невдомек, что подозрительное слово «органайзинг» в переводе на русский означает попросту оргработу, а «семинары в менеджмент-стиле», проводимые передовыми профсоюзами, направлены на то, чтобы обучить профактивистов элементарным навыкам «вовлечения рабочих в сопротивление политике боссов». В самом деле, зачем тратить массу времени и сил на учебу, оргстроительство и прочую рутину, когда все, что нужно – это «ясная стратегия и план действий», сводящиеся к простому, как все гениальное, призыву: «Рабочие, идите и боритесь...» (далее следует длинный перечень разнообразнейших «за» и «против»). Когда

же неправильный мир отказывается подчиняться правильным призывам, негодными объявляются не «ясный план и стратегия», а «оппортунисты», в очередной раз обманувшие доверчивый пролетариат.

Все типичные пороки леворадикальных сект имеют в своей основе одну причину – длительную изоляцию носителей революционных идей от борьбы класса, эти идеи породившего. Если социализм является «теоретическим выражением пролетарского движения», то, пребывая вне этого движения, он неизбежно деградирует, становясь «консервированным» классовым сознанием, хранителем которого выступает кучка маргинализованных адептов. Главной чертой такого – мумифицированного – социализма является, с одной стороны, крайняя озабоченность вопросами доктрины, а с другой – упрощение и опoшление этой доктрины, сведение ее к набору азбучных истин и лозунгов на все случаи жизни. Разгадка этого парадокса проста – марксистская теория во всей ее полноте и сложности сектантам попросту не нужна, как карлику – башмаки великана. Бедность практики порождает бедность теории, но в то же время развивает догматизм. Ведь именно идеология или, скорее, оттенок идеологии является основой сектантской самоидентификации, единственным мотивом, связывающим членов секты между собой. Этим же объясняется и пресловутая склонность к расколам: когда от единства или разобщенности по существу ничего не зависит, «развод» является естественным и

⁵ Манифест российской секции КРИ. <http://socialistworld.ru/manifesto>

логичным способом решения «семейных» проблем.

Реконструкция против реконструкторства

Глубочайшая пропасть разделяет постсоветских левых на две непримиримые идейно-политические и культурно-психологические общности. Причем различия мировосприятия, стиля жизни и саморепрезентации зачастую имеют куда большее значение, чем идеологические разногласия. Было бы неверно отождествлять эти группы с троцкизмом и сталинизмом, интернационализмом и национал-патриотизмом, радикализмом и реформизмом. Скорее, можно говорить о *реконструкторском* и *критическом* течениях, взаимодействие и противоборство которых определяют облик современной российской левой сцены.

Однако времена меняются, и левые вынуждены либо меняться вместе с ними, либо перейти из призрачного полубытия в небытие. На развалинах деморализованного и разбитого советского рабочего класса постепенно оформляется новая, гораздо более независимая и дееспособная генерация трудящихся. Медленно, очень медленно, происходит становление новых профсоюзов. Слабые, очень слабые очаги социального протеста объединяются в коалиции – координационные советы. В молодежной среде развивается левая субкультура антифа. Под влиянием антикапиталистического движения на Западе «левизна» входит в моду среди интеллектуалов. Мировой кризис пока не привел в

России к сколько-нибудь массовым выступлениям, однако он создает широкое аморфно-оппозиционное брожение, которое пугает власти, заставляя их выбирать между все более черствым пряником и все менее устрашающим кнутом.

В этой ситуации левые вновь становятся *востребованными* – пока еще не обществом в широком смысле, а общественниками: активистами социальных движений и боевых профсоюзов, где радикальные левые играют заметную роль. Эта востребованность объясняется не столько успехами левой пропаганды, сколько объективными обстоятельствами. Первое из них – это слабость социально-протестного движения, которое переживает трудный период становления. Свободным профсоюзам и социальщикам нужны люди, готовые оказывать бескорыстную поддержку их борьбе: активисты, организаторы, публицисты, агитаторы и т.д. Опыт показывает, что сегодня ни одна из статусных партий не способна дать социальным движениям такие кадры. За редкими исключениями, уважаемые политики желают лишь одного: манипулировать, чтобы пиариться, пиариться, чтобы манипулировать. Отсюда – характерное для социальщиков недоверие к «партиям» и ассоциирующейся с ними «политикой». Однако если всмотреться в эту декларативную «аполитичность», то в ней обнаруживается не столько узость мышления, ограниченного лишь частными, групповыми проблемами, сколько радикальное отрицание официальной псевдополитики, прежде всего,

с моральных позиций. Леворадикальные активисты, доказавшие свою самоотверженность и компетентность, все чаще рассматриваются социальщиками как «свои» – товарищи и соратники по борьбе, чьи взгляды вызывают уважение и симпатию, а «экстремистские» методы – одобрение.

Опыт показывает, что только выход за тесные рамки бюрократически дозволенного, способен обеспечить протестным группам как резонанс в СМИ, так и уступки со стороны властей. В условиях информационной блокады, дефицита ресурсов, пассивности населения и противодействия властей низовые инициативы вынуждены заявлять о себе актами демонстративного неповиновения. Одной из форм подобного бунта является то, что трансляторами, в сущности, весьма умеренных, неполитических, требований социальщиков выступают откровенно «нелегитимные» с точки зрения Кремля группы и деятели.

Некоторые левые, претендующие ни много, ни мало на роль «авангарда масс», видят в этом «инструментализацию», прагматичное использование «политиков» социальщиками, блюдущими лишь свои групповые интересы. «Неблагодарность» часто усматривают в том, что, даже работая бок о бок с левыми организациями, общественники, как правило, не вступают ни в одну из них и не проявляют должного интереса к тонким различиям революционных оттенков. Но разве не является левая политика *инструментом* в руках угнетенных?

Разве левая программа не должна быть «дорожной картой» широкого движения трудящихся, ответом на его актуальные запросы?

Сектанты рассматривают марксизм не как «теоретическое выражение пролетарского движения», но как истинную веру, в которую они призваны обращать пролетариат. Этим «ортодоксам» было бы полезно перечитать «Манифест коммунистической партии»: «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение (и т.д.)»⁶. То, что «символический капитал», приобретаемый левыми, участвующими в социальной борьбе, утекает сквозь пальцы, никак не способствуя росту их численности и известности; что, несмотря на все свои заслуги, левые не воспринимаются широкой публикой в качестве политических представителей социально-протестных движений, является проблемой и виной самих левых, неспособных преодолеть свою сектантскую ограниченность.

Попытки создать широкое левое объединение, предпринятые по инициативе ряда лидеров боевых профсоюзов, провалились именно по этой причине. Проект Движения трудящихся, первоначально поддержанный многими рабочими активистами, был утоплен в бесконечном

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической Партии. <http://lib.rus.ec/b/207867/read>

«эзотерическом» словоблудии «true марксистов». Пришедший на смену ДТ РОТ Фронт рискует разделить ту же судьбу. Разница лишь в том, что бесплодные дискуссии о принципах заменены столь же бесплодными попытками официальной регистрации. И все же, тенденция налицо, и некоторые основания для оптимизма есть. Объединенные общим делом,

общей проблематикой, дееспособные российские левые все более остро осознают необходимость широкой антикапиталистической активистской организации, способной эффективно содействовать развитию структур рабочей солидарности или, говоря словами «Коммунистического манифеста», «*формированию пролетариата в класс*»⁷.

⁷ Там же